

Леонид Большаков

ДОРОГАМИ КОБАЗАРЯ

Сорок семь лет прожил на свете Тарас Шевченко. Десять самых зрелых лет своей жизни провел он в батальонах Отдельного Оренбургского корпуса. Оренбург - Орская крепость - Раим и Кос-Арал на Аральском море - снова Оренбург - снова Орская - затем Новопетровское укрепление на берегу Каспия - во многих местах обширнейшего степного края довелось жить ему, невольнику.

Это, однако, адреса не только его горя, но и борьбы. "Страдаю, мучаюсь, но не каюсь!" - бросил Шевченко в лицо палачам, которые, лишив его свободы, запретили, кроме того, писать и рисовать. Нет, он творил, и творчество его - в поэзии и прозе, в живописи и рисунке - было исполнено неодолимо сильного и гордого духа бойца-свободолюбца.

Предлагаемое здесь краеведческое исследование является первой попыткой изучения каждого из памятных мест долголетней солдатчины поэта в Оренбуржье.

1. "ПРОЕХАВШИ ГОРОД БУЗУЛУК..."

Границу нынешнего Оренбуржья Т.Г.Шевченко пересек где-то в конце шестого дня после своего - "не-самоохотного", как говорили тогда, - выезда из Петербурга.

"Фельдъегерь яеудобозабываемого Тормоза" Вид-дер не позволял длительных задержек на станциях. Полученный им приказ требовал скорейшей доставки "рядового из художников" к месту службы. "Во мне была (как я после узнал) экстренная надобность..." - иронизировал Шевченко позднее и вспоминал: "Он меня из Питера на осьмые сутки поставил в Оренбург, убивши только одну почтовую лошадь на всем пространстве".

В написанной несколько лет спустя, уже в Новопетровском укреплении, русской повести "Близнецы" автор "провез" этим маршрутом своего героя лекаря Со-киру. Впечатления от увиденного описаны им очень кратко.

"...Сегодня совершенно свободный день, и чтоб не потратить его все, я (рассказ идет от имени Савватия Сокиры. - Л.Б.) взялся за перо и думал писать вам мимолетное мое путешествие, но как подумал хорошенько, то оказалось, что и описать нечего, что все пространство, промелькнувшее перед моими глазами, теперь так же само и в памяти моей мелькает, ни одной черты не могу схватить хорошенько. Смутно только припоминаю то неприятное впечатление, которое произвели на меня заволжские степи. Переправясь через Волгу, я в Самаре только пообедал и сейчас же выехал. И после волжских прекрасных берегов передо мною раскрылась степь, настоящая калмыцкая степь. Первая станция от Самары была для меня тяжела, вторая легче, и глаза мои начали осваиваться с бесконечными равнинами.

Первые три переезда показывались еще кое-где вдали неправильными рядами темные кустарники в степи, по берегам реки Сакмары. Наконец, и те исчезли. Пусто, хоть шаром покати. Только - и то местах в трех - я видел: над большой дорогой строятся новые переселенцы... Проехавши город Бузулук, начинают на горизонте в тумане показываться плоские возвышенности Общего Сырта. И, любясь этим величественным горизонтом, (я) незаметно въехал в Татищеву крепость. Я отдал подорожную Смотрителю, а сам остался на улице, и, пока переменяли лошадей, я припоминал "Капитанскую дочку", и мне как живой представился грозный Пугач в черной бараньей шапке и-в красной епанче, на белом коне. Совершенно наш старинный палач. Солнце только что закатилось, когда я переправился через Сакмару..."

За Сакмарой был Оренбург.

Мы, однако, спешить туда не станем. Прodelаем путь от Бузулука -а точнее, от ближайших к нему мест в теперешних границах Оренбургской области -о с остановками более частыми, стараясь восстановить то, что увидел (хотя и не описал) Шевченко.

Сразу же вспомним, что этим путем - но по своей воле, по своему желанию - проследовал четырнадцатью годами ранее великий русский поэт А.С.Пушкин; в Оренбург он ехал для сбора материалов о Емельяне Пугачеве и пугачевском восстании: "Насилу доехал, дорога прескучная..." - писал поэт жене.

В картографической коллекции Государственного архива Оренбургской области удалось отыскать несколько старых карт. Среди них - карты почтовых дорог из Самары в Оренбург и из Оренбурга в Бузулук, этапных дорог по всей губернии и другие. Они-то и позволяют с наибольшей достоверностью представить себе путь, проделанный Шевченко в июне 1847 года.

Самара, Алексеевск, Бобровка, Малышевка, Богот-Умет, Заплавная, Елшанская, Бузулук, Погромное, Тоцкая, Сорочинская, Воробьиный Умет, Новосергиевская, Полтавский редут, Переволоцкая, Татищева, Рычковская, Чернореченская, Оренбург...

Одна карта дополняет другую. Так мы встречаем дополнительно Мочинскую, Федоровку, Борскую, Новинки, Кутлубанку.

"Кутлубанка", а точнее - Колтубанка, и была первым населенным пунктом нынешнего Южного Урала, через который проехал под началом фельдъегеря Шевченко.

Можно предположить, что здесь увидел поэт переселенцев. Бузулукский уезд издавна привлекал к себе крестьян из Курской, Рязанской, Воронежской и других губерний Центральной России. В поисках лучшей доли совершали они тысячеверстные переезды, порой лишаясь в пути последнего.

"Большая дорога" - или, как на картах, "большая линейная", "большая почтовая" - шла на значительном протяжении вдоль реки Самары, левого притока Волги, берущего начало с Общего Сырта. Шевченко в "Близнецах" называет ее Сакмарой. Но это совершенно другая река: с ней поэт встретился близ Оренбурга, где она и впадает в Урал. Здесь же мы имеем дело с авторской ошибкой или опiskой; к сожалению, ни в одном издании ее не исправляют и не оговаривают.

Колтубанка... Елшанка I... А далее - Бузулук, в повести упоминаемый, хотя и вскользь. Каким он был?

За десять лет до того, как проезжал здесь Шевченко, вышла в свет книга тайного советника Иосифа Дебу "Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии".

Сообщив, что Бузулук отстоит от Петербурга на 2041 версту (такой путь к этому времени уже остался за спиной препровождаемого в солдаты Шевченко), что основан он в 1736 году и "построен на левой стороне реки Бузулук, впадающей в Самару в трех верстах от города, и правом берегу речки Домашки", автор описания характеризовал бывшую крепость таким образом: "Строение в городе почти все деревянное, кроме острога и присутственных мест, кои каменные; церковь одна, деревянная, и до 400 обывательских домов.

Число жителей простирается до 1000 душ мужского пола". Дебу отметил, что в Бузулуке действует два небольших кожевенных завода, но наибольшую выгоду его жители извлекают из скотоводства, а также из торговли шелковыми, бумажными и мелочными товарами.

Бузулук и его окрестности - одна из живописнейших частей Оренбуржья. На весь мир знаменит Бузулукский бор. На восьмидесяти тысячах гектаров - подлинное пиршество природы,

собравшей здесь несметные лесные богатства, тем более замечательные оттого, что со всех сторон они окружены степями. Шевченко о боре не пишет, хотя в ряде мест по пути в Бузулук (да и в самом этом городке) тракт подходил к лесу довольно близко. Объяснение, вероятно, кроется в том, что у бора дальние пассажиры оказались уже к вечеру и ехали в виду его в сумраке опускавшейся на землю ночи.

А кЪль так, то именно в Бузулуке останавливались они на кратковременный отдых, чтобы с рассветом продолжить путь дальше.

"Проехавши город Бузулук", Шевченко заинтересовался "плоскими возвышенностями Общего Сырта". Сырт - слово казахское - означает высокое место. Общий Сырт, проходя почти посредине Южного При-уралья, являет собою цепь разноформенных увалов со склонами то плавными, то крутыми, с оврагами и шиханами, с ложбинами и шишками - вид, непривычный глазу человека не здешнего, и необычайно-прекрасный во всем.

Привыкший к природе иной, веся в сердце своем красоту земли украинской, Шевченко как-то сразу увлекся невиданно-суровым ландшафтом оренбургского Сырта. Увлёкся так, что "любуюсь этим величественным горизонтом-незаметно въехал в Татищеву крепость". А ведь до Татищевой, если считать от Бузулука, ни мало и ни много -186 верст!

Однако скажем и о тех на "большой линейной дороге" пунктах, которые стояли на пути от Бузулука до Та-тищево.

Ближайшая за Бузулуком почтовая станция была в деревне Погромной - в 29 верстах от города; 109 дворов, 310 душ- вот что представлял собою этот пункт.

До Топкой - пункта с 222 дворами и 519 душами -надо было ехать верст семнадцать (это уже от Погромной).

Еще двадцать девять - и на виду оказалась Сорочинская (131 двор, 332 души). Снова Дебу: "Основана в 1736 году статским советником Кириловым... Крепость сия была прежде довольно укреплена рвом и валом, по коему был палисад и батареи с пушками..."

Далее на пути стояли Новосергиевская, Переволоцкая. Как раз от Переволоцкой "большая дорога" и сворачивала к югу - к крепости Татищевой.

На мысли о Пугачеве и пугачевщине Шевченко был настроен в течение всего своего переезда по дорогам Оренбуржья. В разгар восстания в руках повстанцев были все уже знакомые ему крепости по реке Самаре: Переволоцкая, Сорочинская, Тонкая. Тогда же к восставшим присоединились крепостные в районе Бузулука; позднее пугачевцы держали в своих руках и эту крепость. Как ни скор был темп поездки, как ни мало времени отводилось на отдых, он мог увидеть и узнать немало. Тем более, что о "пугачевском прошлом" края своей ссылкой Шевченко знал давно. Вот и в Татищевой воображением своим вызывал он Пугачева, представляя его себе не закованным в кандалы и не в клетке, а величественным и сильным, победителем - "на белом коне".

Что значит "припоминать" прочитанное, находясь там, где происходили описанные в произведении исторические события?

Это значит искать прошлое в современном, пытаться разглядеть то, читанное, в облике подлинного места действий, "примерить" к событиям себя самого -увидеть, понять, прочувствовать, додумать.

К тому стремился и он, Шевченко, попав в одну из первых русских крепостей на Урале. Крепость, которой так лихо овладел Пугачев в сентябре 1773-го: весь крепостной гарнизон перешел тогда на сторону крестьянской армии. Крепость, из которой пугачевцы были выбиты в конце марта 1774-го, и это знаменовало крупное их поражение.

Нет, не случайно дважды в короткий срок побывал здесь Пушкин. И в дорожных его записях Татищеве упоминается чаще многих мест пугачевского восстания.

"Крепость сия разорена и сожжена была бунтовщиком Пугачевым и с того времени укрепления не имеет..." Это вновь тайный советник Дебу. В глазах Шевченко, в его бунтарской душе Татищеве оставалось пугачевским.

С историей крестьянской войны были связаны и последующие пункты на пути к Оренбургу: Рычковка

и Чернореченская. Крепостные хутора, принадлежавшие Рынков, как только достигла их весть о взятии Татищевой, вышли навстречу восставшим... Без сопротивления открыла ворота

Чернореченская; жители встретили "крестьянского царя" хлебом-солью, тут же приняв присягу ему на верность.

...Везли Шевченко дорогою памятной, исторической. И думалось ему не только о собственной беде.

II. "В ФИЗИОНОМИИ ОРЕНБУРГА ЕСТЬ ЧТО-ТО АНТИПАТИЧНОЕ..."

"...Солнце только что закатилось, когда я переправился через Сакмару, и первое, что я увидел вдали, это было еще розового цвета огромное здание с мечетью и прекраснейшим минаретом..." Тут же, несколькими строками далее, слова иные - горькие: "На мой взгляд, в физиономии Оренбурга есть что-то антипатичное".

Именно таким было первое впечатление Шевченко об Оренбурге, когда он подъезжал к нему 9 июня 1847 года. Документ уточняет час приезда: "в 11-ть часов пополудни". Строки из "Близнецов" совпадают даже с этим. 9 июня старого календаря - 21-е нового. Заход солнца, как сообщается на календарном листке одного из самых долгих дней в году, - в 21.18. Примерно в это время переправлялся фельдъегерь с изгнанником через пригородную реку, чтобы, покрыв в течение последующих часа-полтора последние версты пути, сдать "рядового Шевченко" по принадлежности.

Прибыть в Оренбург они должны были только на следующий день.

Откуда это известно? Удалось отыскать в архиве любопытное "Дело об экстра-почте из Москвы в Оренбург и обратно". Оно содержит переписку почтового департамента с оренбургскими военными- властями".

"Для доставления Оренбургу сношения скорого и безостановочного с обеими столицами, в 1833 году учрежден ход экстра-почты между Москвою и Оренбургом, по одному разу в неделю.

Сия экстра-почта отходит из Москвы по пятницам, приходит в Оренбург по четвергам, на шестые сутки.

На сию экстра-почту бумаги казенные и письма посылаются из Санкт-Петербурга до Москвы по вторникам..."

Значит, Шевченко со вторника по пятницу - с 1 по 4 июня - находился в пути из Петербурга в Москву, а в пятницу, четвертого же, был отправлен далее и уже к исходу среды - не на девятые, а именно на восьмые сутки, оказался в месте назначения.

Ныне в "Летописях" датой отправки Шевченко из Петербурга считают 30 мая. Ее оспаривал ленинградский исследователь Н.Моренец, называя другую - 31 мая. Да, ближе к истине он. Судя по официальной переписке, именно 31 мая арестанта либо отправили в Оренбург, либо - уточним мы - "передали под непосредственную охрану фельдъегеря". В таком случае они могли отправиться в путь и рано поутру 1-го.

Первые впечатления Шевченко об Оренбурге известны из процитированных тут строк повести "Близнецы".

Небезынтересно сопоставить их с заметками побывавшего здесь примерно в то же время этнографа, статистика и литератора П.Н.Небольсина.

"Переправившись через Сакмару, в восьми верстах от города, и дав лошадам отдохнуть, мы полетели с быстротою, - писал он в книге "Рассказы проезжего" (1854 год). - Городские здания росли, башкирский караван-сарай, служащий памятником просвещенной заботливости прежнего правителя края ВА.Перовс-кого, и выстроенный по эскизам архитектора Брюллова, рос перед нами во всей красоте своих деталей. За ним, вправо от дороги, виднелись крепостные стены и земляной вал, по которому сотни народа, в белых рубахах, в белых колпаках, возили тачки: около них копошились другие люди, в серых фуражках и в серых куртках; солнышко жгучим лучом падало на солдатское ружье, но луч этот, преломившись в полированной поверхности штыка, рассыпался и дробился на тысячи горящих разными огнями искр... У шлагбаума нас спросили и отобрали подорожную моего спутника... Мы в Оренбурге".

Оба увидели караван-сарай. Но Шевченко залюбовался превосходным памятником зодчества, а Небольсин - "памятником просвещенной заботливости" губернатора Перовского. Оба обратили внимание на земляной вал и крепостные стены, но Шевченко почувствовал в них нечто антипатичное, а Небольсин засмотрелся на искры, которые преломлялись о поверхности штыка; он

даже не подумал о том, что среди увиденных им людей подневольные каторжники, колодники, солдаты.

Оренбургу в то время было немногим более ста лет. Заложенный в 1735-м на месте нынешнего Орска, он пять лет спустя, в 1740-м, получил новые координаты Т. Шевченко Автопортрет 1847 - там, где сейчас саракташское село Красногор, и только в 1743 году утвердился на высоком берегу Урала, где прежде стояла Бердская крепость; здесь город и стал развиваться.

Даже проехав караван-сарай, Шевченко не мог считать себя в городе, а лишь увидел его на более близком расстоянии. Оренбург начинался на том месте, где ныне сквер у Дома Советов смыкается с улицей Володарского. Тут и стояли "неуклюжие сакмарские ворота", через которые въехал в Оренбург обреченный на долгую неволю певец народного горя.

Тогдашний Оренбург представлял из себя многоугольник, окруженный валом и рвом. Высота вала равнялась 12 футам, такой же была глубина рва; что касается его ширины, то она составляла 35 футов. Протяженность вала и рва превышала 5 верст. 11 полигонов, 10 бастионов, 2 полубастиона - вот что определяло главную силу города-крепости.

Для въезда и выезда было четверо ворот: Водяные, Чернореченские, Орские, Сакмарские.

Миновав мост, переброшенный через сухой ров, лошади остановились у шлагбаума именно перед Сакмарскими воротами. Они были каменными, сводчатыми и, как всегда с вечера, находились на запоре. В темное время суток из города обычно не выпускали, а у приезжих проверяли документы.

Рядом с воротами находились кордегардия, или, проще говоря, караульная - одноэтажное каменное здание с деревянной платформой по фасаду и будкой, где непременно стоял часовой.

Проверка бумаг заняла, вероятно; не так уж много времени, шлагбаум поднялся вверх, ворота открылись.

"Жандарм привез его-прямо в ордонансгауз, где Шевченко в передней проспал ночь на голом полу..." - свидетельствует М.М.Лазаревский.

Ордонансгауз (или канцелярия коменданта) находился на главной улице города; современный адрес первого места пребывания поэта в Оренбурге - Советская, 3. Если войти во двор стоящего тут дома или посмотреть на здание с переулка, то можно увидеть окна и стены бывшего комендантского управления, куда и доставил фельдъегерь Виддер привезенного им человека.

За двадцать лет до Шевченко тут находились под строгой охраной "оренбургские декабристы" Колесников, Таптиков, Старков и другие; десятилетия спустя побывал тут Чернышевский. Да и многие другие бойцы за свободу не миновали этих стен...

"Утром его принял комендант Лифлянд и отправил... в казармы..." Брат М.М.Лазаревского, Федор Матвеевич, уточнил, что казармы находились "близко к Водяным воротам", что позволяет достаточно уверенно сказать: речь идет о казармах, выходявших одной стеной на улицу Водяную (ныне М.Горького) и поднимавшихся между переулком Мечетным и улицей Введенской (ныне переулок Каширина и улица 9 Января) вверх к Уралу. Вход в казармы был с Введенской. Судя по сохранившимся планам разных лет, участок представлял собою довольно длинный прямоугольник с тремя зданиями - одним большим, по всему периметру территории, и двумя меньшими, вытянувшимися посреди двора.

Совсем близко находились здания Пограничной комиссии (ныне угол Советской - М.Горького и рядом - по улице М.Горького). Здесь-то первыми и узнали почитатели Шевченко о его прибытии.

"Не давая себе отчета, я побежал в казармы и с трудом отыскал там новопривезенного арестанта", - вспоминал Ф.Лазаревский. В Пограничной комиссии, где служили Федор Лазаревский, Сергей Левицкий и другие будущие друзья поэта, долго не смолкали в этот день разговоры о том, как-облегчить тяжелую участь изгнанника.

А его тем временем под ружьем водили "по инстанциям". Хотя... далеко ходить не требовалось. Штаб Отдельного Оренбургского корпуса, где уже 10 июня состоялось решение о внесении Шевченко в списки 5-го линейного батальона в Орской крепости, "с учреждением за ним строжайшего надзора", находился поблизости от казармы: он занимал деревянное здание на углу улиц Водяной и Николаевской (на этом месте сейчас находится большой жилой дом, адрес Советская, 12). В здании корпусного штаба помещался и дивизионный: там как раз оказался командир пятого батальона капитан Мешков - так что дальнейшая судьба опального поэта решилась сразу.

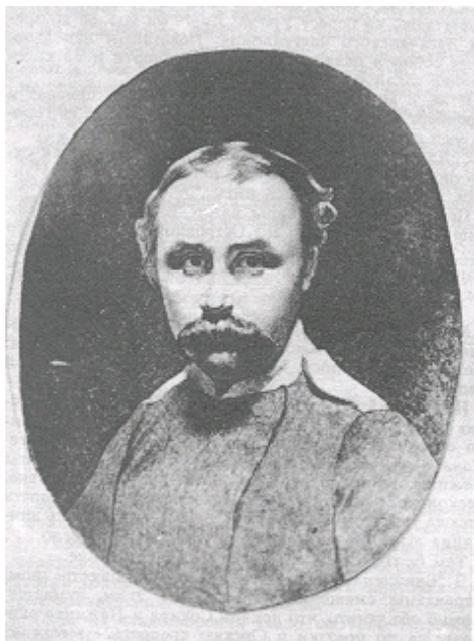
Все дни этого, первого, пребывания в Оренбурге Шевченко, судя по всему, жил в казармах. Там же его облачили в солдатскую форму. Но за день или два до тягостной процедуры земляки поэта "отправились в казармы и выпросили его к себе на квартиру". Тогда-то Шевченко и пришел впервые в дом М.И. и А.П.Ку-тиных, где квартировал Федор Лазаревский. Этот дом на углу Преображенской улицы и Канонирского переулка (ныне угол улицы 8 Марта и Шевченковского переулка) стоит и сейчас; он хорошо известен орен-буржцам.

"Гость остался у нас ночевать, - вспоминал Ф.М.Лазаревский. - Сняв с кровати тюфяки, мы разложили их на полу, и все втроем улеглись на полу вповалку. Шевченко прочел нам наизусть свои поэмы "Кавказ", "Сон" и другие, пропел несколько любимых своих песен... Летняя ночь, таким образом, пролетела незаметно. Мы не спали вовсе. Рано утром Тарас Григорьевич простился с нами, объявив, что получил уже назначение в Орскую крепость, куда он на днях должен отправиться..."

На днях... В "Летописи жизни и творчества Т.Г.Шевченко", составленной М.М.Ткаченко, указывается, что выезд Шевченко из Оренбурга в Орскую крепость состоялся не позднее 14 июня. Прибыл он туда, как известно из вполне официальных документов, 22 июня (с этим согласен и составитель летописи). Не слишком ли долгий срок - восемь дней - для преодоления на перекладных тех двухсот пятидесяти километров, которые разделяли пункт начальный и пункт конечный?

Изучая документальные материалы, мы обратили внимание: рапорт с изложением претензий Шевченко по поводу того, что "по отбытии его из г.Киева остались там собственные его вещи у господина Киевского гражданского губернатора" и с передачей просьбы "рядового" о "высылке тех вещей" (прежде всего, рисовальных принадлежностей), датирован поручиком Почешевым 20-м июня 1847 года и помечен Оренбургом.

Рапорт на имя командира 5-го батальона мог быть написан либо в Оренбурге, либо в Орской крепости, но никак не в дороге: отправка его с маршрута не вызывалась никакой срочностью, да и осуществлена быть не могла. Будь рапорт написан уже в крепости, под ним значилось бы другое географическое название, не говоря уже о другой, более поздней дате. Следовательно, поручик, которому было приказано доставить Шевченко к месту службы, писал перед выездом. В таком случае, 20 июня - это день отправки ссыльного из Оренбурга, где он, следовательно, нахо

Т.Шевченко Автопортрет 1849

дился не четыре-пять дней, а десять. Выезд 20-го утром не исключает прибытия в Орскую 22-го к вечеру.

III. "ЭТО БУДЕТ ПО ОРСКОЙ ДОРОГЕ..."

Нынешняя Ленинская улица Оренбурга называлась во времена Шевченко Орской. И заканчивалась она - если ехать к востоку - Орскими крепостными воротами. Еще в двадцатых годах

нашего века стояло в этом районе небольшое кирпичное здание бывшего караульного дома. Ныне от дома того, как и от ворот, скрытых еще в шестидесятые, годы прошлого столетия, не осталось и следа. Лишь по старым планам можно установить, что находились они на стыке современных улиц Ленинской и Пушкинской.

Шевченко эти ворота упоминает.

"...На другой день поутру у Орских ворот ефрейтор скороговоркою спрашивал: "Позвольте узнать чин и фамилию и куда изволите следовать". Из воротника шинели довольно грубые вылетели слова: "Лекарь Сокира. В Орскую крепость. Подвысь! Пошел!"

Конечно, 20 июня, когда из Оренбурга выезжал не литературный герой Шевченко Савватий Сокира, а он сам - "нижний чин", к тому же из "политических" - вопрос ефрейтора адресовался не ему, а офицеру. Но солдафонски грубый окрик при выезде из города врезался в память надолго.

- Подвысь! Пошел!

"И тройка понеслась через форштадт, мимо той церкви и колокольни, на которую Пугачев втащил две пушки, осаждая Оренбург..."

Форштадтом, через который пролегал Орская дорога, называлось одно из двух старейших предместий Оренбурга. Возник он вскоре после основания города - в 1745 году. А немногим более четверти века спустя, во время пугачевского восстания, казачья слобода была сожжена по приказу оренбургского губернатора Рейнсдорпа. Это произошло 5 октября 1773 года, когда главные силы повстанческой армии вплотную подошли к городу и стали огибать его с северо-востока, выходя как раз к форштадту, а лихие удалыцы-конники, подсакавав к валу, воткнули сюда кол с прикрепленным к нему призывом Пугачева о переходе солдат на сторону наступающих.

Разрушенный и сожженный, чтобы не мог в нем обосноваться Пугачев, форштадт был не только свидетелем, но и участником штурма, а затем долгой - полугодичной - осады Оренбурга.

Церковь, о которой писал Шевченко, это Георгиевский войсковой собор, построенный в 1756 году в том же форштадте, на берегу Урала. Лишь он уцелел во время пугачевского наступления. Повстанцы использовали собор в целях военных. На паперти и на колокольне были установлены пушки.

Итак, с мыслями о Пугачеве Шевченко приехал в Оренбург. Они не оставляли его и при выезде из города уже другой дорогой, в другом направлении...

"...До станции Островной он только любовался окрестностями Урала и заходил только в почтовые станции, и то, когда хотелось пить..."

Поездку лекаря Сокиры автор "Близнецов" описал лишь в общих чертах. До Островной он "провез" его без остановок. Мы же постараемся восстановить тот маршрут более детально. Помогут в этом старые карты и сам Шевченко.

Между Оренбургом и Островной Шевченко встретил три сравнительно крупных населенных пункта: Нежинский форпост, Каменно-Озерное и Вязовский редут.

Нежинский форпост находился в 17 верстах от Орских ворот. Селение это появилось почти одновременно с закладкой Оренбурга на нынешнем его месте. Начало ему положили украинцы, в прошлом солдаты Нежинского полка, от него и название пошло, правда, несколько измененное. Впоследствии земляки поэта отсюда ушли, а название осталось. И не привлечь внимания сына Украины оно, естественно, не могло.

Тем большим оказалось его разочарование.

В "Близнецах", как произведении художественном, оправданы смещения во времени. Этим, думается, можно объяснить, что лекарь Сокира в Нежинке оказывается до поездки в Орскую крепость - выезжает туда специально.

"Поехал он в Нежинку. Это будет по Орской дороге. Что же? И там дома да ворота, только мечетей не видно. (Шевченко сравнивает с описанной тут же Карга-лой. - Л.Б.). Зато не видно и церкви... Постучал он в тесовые ворота, ему отворила их довольно недурная собою молодка, но удивительно заспанная и грязная, несмотря на день воскресный.

...Он вошел на двор и хотел было в избу зайти, но на него из дверей пахнуло такой тухлятиной, что он только нос заткнул. На дворе расположиться совершенно было негде. Велел он своему вознице раскинуть ко-шомку под телегою на улице и прилег помечтать о блаженстве сельской жизни, пока лошади отдохнут".

Из дальнейшего разговора с молодой Сокира узнал, что рыбу сельчане не ловят, овощей не выращивают и даже лук в городе покупают. Это вызвало его на размышления. "А какая благодатная земля! Какие роскошные луга и затоны уральские! И что же? Поселяне из города лук получают".

Контрасты Оренбуржья проявились для Шевченко уже на первых пятидесяти семи верстах пути до Островной, где, как думается, команда офицера Почеше-ва сделала свой первый длительный привал, скорее всего с ночевкой. Занесенный на дальнюю дорогу волею царского приговора, поэт и художник успел увидеть многое: суровое степное раздолье, непохожий на Днепр, но по-своему прекрасный Яик-Урал, живописные его берега и окрестности. Увидеть и задуматься: "роскошные луга и затоны уральские" - и покупаемый в городе лук, "благодатная земля" - и бедность...

Думал Сокира.

Думал Шевченко.

...Лошади въезжали в Островную.

IV "ЕМУ ПРЕДСТАВИЛАСЬ МАЛОРОССИЙСКАЯ СЛОБОДА..."

Вторую "захлявную" книжечку Тарас Шевченко начал в Орской крепости. Вместе со своим владельцем она совершила в 1848-м долгий и трудный переход через казахские степи, через пески Кара-Кумов. И вот теперь хозяин ее поверял маленьким листочкам новые впечатления - уже аральские.

Одно из стихотворений было вызвано встречей с песней. С песней и земляком...

Эта встреча состоялась в 1849 году в устье Сыр-Дарьи, на Кос-Арале. На шхуне "Константин" и услышал Шевченко песню. Родную, украинскую, вызвавшую к жизни целую бурю чувств. Ну что, казалось бы, слова? Слова и голос - что такое!.. Но вот слышишь их едва -И сердце бьется. Может, слово И голос тот от божества Явились в мир!..

Безмолвная ночь на Арале... Луна, прокладывающая причудливые дорожки по морю... Загадочные камыши на прибрежных островках-отмелях... Он любил слушать тишину, он живописал ее - красками, словами. Вот и сейчас...

На борт склоняясь. Не то чтоб грусти предаваясь, А так на палубе стоял, Стоял я, на море взирал, Как на Иуду. Из тумана Тут стала, видите ль, всплывать Румяноликая Диана...

Совсем уж было поэт собрался спуститься с палубы шхуны в маленькую каюту, где, кроме него, жило еще шестеро, как новое обстоятельство задержало его наверху.

Какое обстоятельство? Песня! ... Матрос,

Земляк из Островной, тоскуя В ту ночь глухую -Он, подневольный, вахту нес, -Вдруг начал петь и пел покуда Негромко: не было бы худа (Строг капитан, хоть и земляк). И пел матрос, как тот казак, Что вырос внаймах сиротою, Солдатом горемычным стал!.. Он слышал эту песню в детские свои годы, еще на Украине. Тогда ее пела дивчина под ракитой, и юный Тарас с трепетом душевным, со слезами на глазах воспринимал рассказ о сироте.

Теперь песня задела еще острее. Собственная его доля была как нельзя более схожа с судьбой певца-матроса, а обе они удивительно совпадали с горькой участью того, о ком шла речь в народной песне.

Задушевная песня заставила перебрать в памяти всю жизнь.

..."Земляк из Островной..."

Записывая это стихотворение, поэт сделал сноску, касающуюся незнакомого названия: "Островная -Оренбургской губернии".

Островная - в Оренбуржье... Так почему "земляк"? Вот теперь мы снова возвратимся к июньскому (1847 года) переезду рядового Шевченко из Оренбурга в Ор-скую крепость.

Снова перевернем страницы повести "Близнецы". "До станицы Островной он только любовался окрестностями Урала и заходил только в почтовые станции, и то когда хотелось пить, но, подъезжая к Островной, он вместо серой обнаженной станицы увидел село, покрытое зеленью, и машинально спросил ямщика:

- Здесь тоже казаки живут?

- Тоже, ваше благородие, только что хохлы.

Он легонько вздрогнул.

...Подъезжая ближе к селу, ему действительно представилась малороссийская слобода. Те же вербы зеленые, и те же беленькие в зелени хаты, и та же девочка в плахте и полевых цветах гонит корову. Он заплакал при взгляде на картину, так живо напомнившую ему его прекрасную родину.

У первой хаты он велел остановиться и спросил у сидящего на призбе усаха, можно ли будет ему переночевать у них.

- Можно, чрму не можна, мы добрым людям ради.

... Здесь он впервые в Оренбургском крае отвел свою душу родною беседою..."

Нет, жизнь в Островной далека от идиллии. Чем дольше задерживается он в этой, первой же, хате, тем больше бросается ему в глаза бедность новых знакомых.

Она - в изумлении маленького Ивася, получившего "невиданный гостинец" - кусочек сахара.

Она - в стыдливом признании хозяйки, которая бежит к соседке одолжить десяток яиц: "А то в нас, признаться, вси выйшлы".

Она - в последних ее словах, при расставанье...

Шевченко отправлялся дальше. Но навсегда запомнились ему украинское село среди бескрайних оренбургских степей, долгий и сердечный разговор на родном языке, гордая нищета неожиданно встреченных земляков.

...Островная - вернее, Островное - относится к тем первым украинским поселениям, которые возникли в оренбургских степях еще в начале XIX века.

Зачинателями села стали потомки первых Черкасс (бывших украинских казаков) - те, что, основав Ки-нель-Черкасскую слободу, скоро обратились в канцелярию Оренбургского казачьего войска с просьбой о приеме их в казачье сословие. После принятия часть из них переселилась в урочище "Островные речки" на правобережье реки Урала. Случилось это в 1812 или 1813 году. А уже пять лет спустя тут насчитывалось 513 жителей.

В селе бытует много рассказов о прошлом:

- Проходил тут Тарас Григорьевич, - записали мы от одного из старейших сельчан Петра Ивановича Литвинова. - Много через наше село арестантов проходило. И на моей памяти были. То в Орск гнали, то из Орска в Оренбург. В Островной ночевку делали. И у моих стариков останавливались. Разбойного народа люди опасались, а политических пускали без всякого, хоть кое-кто и попугивал. Дед, помню, песни пел, что от тех бедолаг слышал. Песни - про волю. Батько мой, совсем парнишкой еще, затянул одну, так дед его за уши выдрал: "Да за такую, моя, и меня, и тебя на край света погонят!.." Еще от деда я слышал, будто больным был Шевченко, когда в Орскую его гнали. А только поговорил с народом - вроде из ключа напился. Надо мне, сказал, крепиться, чтоб дожить и на Украину милую возвернуться, за долю людскую бороться. Не гоже, чтобы люди - вроде вас - от нужды с родной землицы бежали!..

Было о чем рассказать и восьмидесятилетнему Ивану Егоровичу Коханову.

- Отец сказывал, что у хозяев ли хаты, у других ли, пришедших сюда, приключилась на ту пору какая-то беда. Пожаловались они батьку Тарасу, попросили прошение написать. Ну, он не, отказался. Написал. Да так, что проняло кого следует! Для народа что хочешь сделать мог.

(Любопытно совпадение воспоминаний. 80-летний В.Васильев в Орске со слов отца своего рассказывал: "Среди местных мещан Шевченко слыл очень Добрым и больно грамотным человеком. Многие ходили к нему, чтобы написать тому жалобу, тому прошение... Шевченко писал прошения и моему отцу и всем мещанам, кто только просил его об этом. Был обходительным с людьми").

- Земляками называя он островнянских своих знакомцев, о вспомнил давно слышанное Коханов. - Земляки мы с вами, говорил Шевченко, и доля у нас единая...

А когда в доме зазвучали строки из "Кобзаря":

... Земляк из Островной, тоскуя

В ту ночь глухую -

Он, подневольный, вахту нес...

Вдруг начал петь...

у Ивана Егоровича на глаза навернулись слезы.

- Вспомнил, значит... Запала ему, выходит, Островная в сердце.;

V. "ПЕРЕНОЧЕВАЛ ОН ЕЩЕ В ГУБЕРЛЕ..."

" - А почтовая станция здесь?

- Дальше, в Озерной.

- Там тоже хохлы живут?

- Нет-с, наши, русские..."

Разговор этот у героя повести "Близнецы" состоялся близ Островной.

Но прежде чем Сокира - а вместе с ним Шевченко - достиг названного в диалоге пункта, пришлось еще пятьдесят девять верст проехать и остановиться в двух больших казачьих станицах.

Первой на дальнейшем пути из Островной оказалась Красногорская.

В истории станицы, расположившейся на высоком правом берегу Урала, самым примечательным было то, что она едва не стала Оренбургом.

Гирьяльский редут, или Гирьяльская, или Гирьял (последнее название закрепилось поныне) тоже стоял на самой реке. Но было в его окрестностях нечто свое, неповторимое: множество озер - больших и малых, одно на другое непохожих. Они тянулись до Верхне-Озерной или, как именовали ее чаще, Озерной.

"Озерная крепость. ..построена в 1736 году статским советником Кириловым и населена была несколькими охотниками из казаков. Она была укреплена рвом, валом и в некоторых местах палисадом, а гарнизон оной состоял из одной роты драгун, полуроты пехоты и 50 человек жалованных российских и татарских казаков. Грунт около сей крепости состоит из твердой серой земли, на которой производится хорошее хлебопашество; сенокосов, строевого и дровянного лесу также достаточно..." Некрасноречивый Иосиф Дебу охарактеризовал Озерную канцелярски сухо, но, согласитесь, достаточно определенно.

Продолжая путь оренбургскими трактами, Шевченко юлчал все более полное представление и о придо-рогсных станицах, и о здешних крепостях - от первоначального их назначения и облика следов оставалось все меньше.

Г [осмотрите на современную карту. Село Никольское! - тогда Никольская станица. Село Ильинка - некогда Ильинская крепость. Село Подгорное - Подгорный редут. Село Губерля - Губерлинская крепость...

Все это - "вехи" большого тракта, который вел к Орской крепости и, далее, к Троицку.

..."Переночевал он еще в Губерле (предпоследняя станция перед Орской крепостью) собственно для того, чтобы полюбоваться на другой день Губерлинскими горами..."

Мы полагаем, что тут, в Губерле, закончился не только второй день путешествия лекаря Сокиры, но и второй день переезда Шевченко к месту своей солдатской службы.

Этот день - 21 июня - весь, от раннего утра и до позднего вечера, был проведен в дороге. Назавтра, 22-го, предстояло путь закончить, дабы тотчас явиться пред грозные очи начальства:

- Рядовой Шевченко прибыл...

А пока... пока была еще одна крепость - попутная.

Снова свидетельствует И. Дебу: Губерлинская крепость отстоит от Орской в 45, а от Оренбурга в 206 верстах, между двух речек - Губерли и Чебаклы, которые, выходя из Уральских гор, именуемых тут Губерлинскими, и соединяясь при самой крепости, впадают вместе неподалеку от оной в реку Урал..."

К тому времени, когда проезжал Шевченко, крепости как таковой уже не было. И хотя однажды автор "Близнецов" слово "крепость" - применительно в Губерле - называет, звучит оно не более чем контрастом: пишет-то о другом.

"... До 12 часов (следующего после ночевки дня. -Л.Б.), - описывал свои впечатления о "живописной Губерле" шевченковский лекарь Сокира, - я гулял в губерлинской роще и любовался окружающими ее горами, чистой речечкой Губерлей, прорезывающей рощу и извинаящейся около самых казачьих хат..."

И эти "хаты", и окруженная горами роща, и "чистая речечка" не служат для Шевченко, естественно, приметами былой военной крепости. Он видит лишь новую, непривычную его глазам красоту природы и, хоть далека она от родной украинской, несхожа с нею ни в чем решительно - любит ее как истинный ценитель прекрасного, как поэт и художник.

"... Несколько часов подымался я извилистою дорогою на Губерлинские горы. У памятника, поставленного в горах, на дороге, на память какого-то трагического происшествия, я напился прекраснейшей родниковой воды. Поднявшись на горы, открылась плоская однообразная пустыня. А среди пустыни торчит одинокая будочка и около нее высокий шест, обернутый соломой. Это казачий пикет. Проехавши пикет, я начал спускаться по плоской наклонности к станции Подгорной. Переменивши лошадей, я подымался часа два на плоскую возвышенность. С этой возвышенности открылась мне душу леденящая пустыня..."

Впечатления от дороги в Орскую крепость Шевченко восстанавливал по памяти. Этим объясняются и неточности, допущенные им по ходу рассказа.

Подгорная не могла быть за Губерлинской крепостью, так как находилась она (как и ныне село Подгорное) в двадцати двух верстах до Губерли. Автор, судя по всему, имел в виду Хабаровый форпост (теперь село Хабаровое), где действительно находилась почтовая станция и происходила смена лошадей.

В последний раз Шевченко совершал тот же путь в обратном порядке, а писал "Близнецов" несколько лет спустя, далеко от этих мест. Отсюда смещение и "казачьего пикета", который находился, если следовать в Орскую крепость, не до Хабарового форпоста, а за ним. "Одинокая будочка и около нее высокий шест, обернутый соломой", именовались Разбойным редутом, и находился тот редут примерно там, где сейчас раскинулся промышленный Новотроицк с его известным на всю страну Орско-Халиловским металлургическим комбинатом.

Ссылного поэта поразила красота Губерлинских гор. Действительно, они чудесны. Четыреста квадратных километров, занимаемых ими, - это оазис среди бесконечных степей, удивительный заповедник природы.

Шевченко запомнил рощу. И поныне растут здесь дубы и вязы, липы и осокори, березы и калины; особенно хороши они в мае - июне... Врезалась в его память речка Губерля: течет она сначала по широкой, плоской равнине, с севера на юг, а далее резко сворачивает на запад и уже бежит, стремительно и шумно, как горный поток... Как тогда, извилисты и круты дороги: по склонам хребтов, через скалистые горы, сквозь узкие, глубокие ущелья...

И поныне, не иссякая, бьют подземные ключи: один из них утолил жажду Шевченко...

"Памятник, поставленный в горах..." неведом никому - его разрушило время и даже воспоминания о нем стерло. А родники по-прежнему дарят людям "прекраснейшую" воду.

... Несколько часов спустя поэт увидел Орскую крепость.

VI. "ПОЮТ ЛИ ПЕСНИ В ЭТОЙ КРЕПОСТИ..."

Он прибыл сюда 22 июня 1847 года, выбыл 11 мая 1848-го. Это 325 дней. Еще три с лишним месяца пробыл здесь Шевченко в 1850-м, и закономерно, что Орская крепость вошла во все его биографии - от академических до популярнейших, от объемистых томов до статей в газетах.

Орская крепость... Какой была она в те далекие времена?

Сохранились рисунки с натуры служившего тут офицера Р.Поля. Дошли до нас заметки польских ссыльных, которые были отправлены сюда за активное участие в освободительном движении - в частности, КХЯсенчика.

Но самый законченный портрет крепости создал Шевченко. Он дан в повестях "Близнецы" и "Несчастный".

"Подъезжая ближе к крепости, я думал (странная дума), поют ли песни в этой крепости, и готов был бог знает что прозакладывать, что не поют. При такой декорации возможно только мертвое молчание, прерываемое тяжелыми вздохами, а не звучными песнями..."

Когда много лет спустя, возвращаясь из неволи, Шевченко увидел во сне Орскую крепость и "корпусного ефрейтора" - генерала от инфантерии Обручева, то "от страха проснулся" и долго не мог прийти в себя от этого "возмутительного сновидения".

..."От печально известной крепости не осталось даже следа", - читаем мы в статьях о сегодняшнем Орске.

Действительно - не осталось, и это прекрасно. Новый город вырос здесь - орденосный центр индустрии и культуры.

Но где Шевченко жил, где страдал и мечтал, где писал стихи и делал зарисовки, - это знать необходимо. Как же не попытаться организовать такую "экскурсию"?

...С горы, которая разделяет Новотроицк и большой современный Орск, поэт увидел только "маленькое пятнышко" крепости. Еще несколько верст по унылой степи и вот, наконец, - "мостик на жидких сваях".

Урал протекал тогда по старому руслу, поныне заметному, например, в районе трамвайной остановки "2-я Садовая". Где-то здесь тот мостик и находился, тут впервые Шевченко и увидел тех, с кем довелось ему провести триста с лишним дней неволи.

"Ближе к казармам на площади маршировали солдаты..."

Лишь недавно автору удалось обнаружить в архиве план центральной части Орской крепости и, благодаря этому, достоверно определить, где стояли в то время казармы, какие места занимали другие казенные здания, в каком месте находился плац.

Прежде всего - о батальонных казармах. "Одним концом" они выходили на площадь новой церкви, другим - примыкали к "деревянному сараю, называемому экзерцисгауз".

Церковь, которая тогда еще только строилась, занимала территорию, где сегодня находится общежитие индустриального техникума (угол улиц Пионерской и Ф.Энгельса). Церковная площадь простиралась до теперешней улицы Льва Толстого. Именно в этом месте в нее упиралась стена казармы, составлявшей вместе с двумя другими, ей подобными, целую линию казарменных помещений батальона. Постройки эти выходили на красную линию современной улицы Пионерской, от улицы Льва Толстого до условного соединения улицы Пионерской с улицей К.Маркса. На той же линии к батальонным казармам примыкало деревянное строение, имевшее вид сарая, но громко именовавшееся "экзерцисгаузом", то есть зданием для обучения солдат.

Солдатский плац, в пыль которого было втоптанно немало человеческих судеб, Шевченко, следовавший со стороны Урала, увидел "ближе к казармам". Это - территория, ограниченная теперь площадью Богдана Хмельницкого, улицами Пионерской, Куйбышева и Льва Толстого.

Между казармами батальона и яшмовой горой, возвышающейся над крепостью, помещались инженерный двор с казармами (в том числе арестантской), дома и службы артиллерийского гарнизона.

Но несколькими "казенными" зданиями да еще солдатским плацом места шевченковские не ограничиваются.

Известно, что в 1847-м, в течение непродолжительного времени, поэт имел возможность жить не в казарме, а на "вольной" квартире.

"Шевченко в Орске, о передавал старожил П.Ф.Жилин, - проживал в хибарке на улице, которая теперь называется его именем. Хибарку эту снесли еще перед войной (имеется в виду первая мировая война. - Л.Б.). Нынче на этом месте выстроили больницу".

Поясним: детскую больницу. Это - угол улиц Пионерской и Шевченко. (Небезынтересно, что улица Шевченко появилась в Орске еще в начале нынешнего века. В Оренбурге о переименовании бывшего Канонирского, ныне Шевченковского переулка, тогда не возникало и речи).

Когда говорят об орских друзьях поэта, непременно называют попечителя прилинейных казахов, медика по образованию-Михаила Семеновича Александрийского. Дом его находился в форштадте. Это удалось установить, знакомясь с архивным делом N 1813 из фонда Оренбургского военного губернатора.

В крепости, как гласит один из документов, в то время было 12 казенных и 230 частных домов. В числе частных - и принадлежавший Александрийскому, человеку прогрессивных взглядов, искреннему доброжелателю поэта.

... Ни на день не смел забыть Тарас Григорьевич о том, что он всего-навсего "нижний чин", к тому же находящийся под строжайшим надзором.

Каждый из дней повторял собою предыдущий: та же бесконечная пригонка амуниции, те же "шагистика" и "словесность". "Позор и унижение! - вспоминал он позднее. - Трудно, тяжело, невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стать навтыжку, слушать команды и двигаться, как бездушная машина". А именно этого требовали "отцы и наставники" солдат.

Бесконечные занятия доводили до полного изнеможения. Заметно сдавало здоровье. Способствовала тому и резкая перемена климата: от благодатного украинского до сурового восточного.

Но муки духовные, нравственные были еще сильнее физических. Запрещение писать и рисовать причиняло неимоверные страдания. Местные же впечатления давали очень много материала - особенно для живописи.

"А здесь так много нового, киргизы так живописны, оригинальны и наивны, сами просятся под карандаш, - и я одуреваю, когда смотрю на них. Местоположение здесь грустное, однообразное, тощие речки Урал и Орь, обнаженные серые горы и бесконечная киргизская степь. Иногда эта степь оживляется бухарскими караванами (на верблюдах), как волны моря зыбля-щимися вдали и своею жизнью удвоивающими тоску.

Я иногда выхожу за крепость к караван-сараю или меновому двору, где обыкновенно бухарцы разбивают свои разноцветные шатры. Какой стройный народ! Какие прекрасные головы! И какая постоянная важность без малейшей гордости! Если бы мне можно было рисовать, сколько бы я вам присылал новых и оригинальных рисунков, но что делать? Смотреть же и не рисовать - это такая мука, которую поймет только художник".

Так писал он В.Репниной. А в другом письме - А Ли-зогубу - молил прислать "альбом чистый и хоть одну кисточку". Обойдя запреты, его друг сумел прислать в Орскую набор красок. Неописуемой была радость Шевченко, получившего бесценный для него подарок.

Рисовать тайком оказалось еще труднее, чем писать.

Пользуясь свободными от муштры часами, уходил он к берегам Урала или Ори и, прячась между кустами, думал о родной Украине, вспоминал прошлое, мечтал о будущем. Свои мысли и чувства Шевченко выражал в стихах. За время пребывания в Орской крепости им было написано более двадцати поэтических произведений. Они вписывались в "захалавные книжки" - маленькие самодельные тетрадки, которые прятались им за голенище сапог (по-украински - "халава") и вынимались только тогда, когда видеть не мог никто.

Подобно вору, таясь за валом, Прокрадусь в воскресенье в поле И лозняками выйду к Уралу, Где степь широкая, как воля...

Эти места - в двух-трех километрах от существующего теперь моста в Зауральную рощу. Совершите летом прогулку по левому берегу реки, и вы окажетесь там, где творил Шевченко, где вынимал он из-за голенища сапог маленькую самодельную тетрадку и записывал в нее сокровенные строки.

Тех же - или примерно тех - мест касаются воспоминания старожилов, записанные в конце прошлого века журналистом А.Матовым: "Там, где в настоящее время ("настоящее" - значит, 1895 г. - Л.Б.) раскинулась жалкая пародия на человеческое жилье... - двадцать лет тому назад тянулись обширные болота, кишевшие разнообразной дичью. Эти-то покрытые гигантскими камышами и высокой зеленью болота и служили для Тараса Григорьевича любимым местом, куда Шевченко уходил, бывало, поразмыкать свое горе..."

Стихи, созданные в Орске, написанные здесь поэмы "Княжна", "Варнак", "Москалева криница" проникнуты идеями освобождения народа, борьбы с барством. Никакие издевательства не могли сломить его вольнолюбивого духа.

О, если б кандалы разбить Иль перегрызть их...- мечтает поэт, представляя себе жизнь на свободе, полную той же страстной, что и прежде, борьбы за человеческие права.

Его любимый герой - мститель. Призывом звучат строки из поэмы "Княжна": Убей гадюку - искусает! Убей - и бог не покарает! Как Ченчи за кинжал возмись. ...Но обратимся к еще одному источнику наших представлений о том периоде - к легендам, рожденным народом.

VII. "НЕУЖЕЛИ МЫ ПОЗВОЛИМ СВОЕГО ТОВАРИЩА ЗАМУЧИТЬ?"

Когда изучаешь жизнь большого человека, интересуется все: документы, воспоминания, письма, легенды.

Легенд о Тарасе Шевченко сложено много. Изданы сборники устного народного творчества о поэте-революционере. Очередной такой сборник вышел в свет в издательстве Академии наук СССР, в Киеве, в 1963 году. Он называется "Народ и Шевченко". Среди множества опубликованных

здесь легенд, сказаний, песен, дум, частушек, выражающих любовь народа к своему гениальному сыну, есть и посвященные первым годам его ссылки. О солдатской службе Шевченко в Орской крепости повествуют, например, записи, сделанные в 1938 году украинским писателем и фольклористом И.И.Волошиным со слов старожилов И.С.Васильева, П.Ф.Жилина, С.Г.Рукавициной. Они, безусловно, представляют интерес.

Нельзя, однако, не обратить внимание: ряд образцов устного народного творчества не только не включен в эту книгу, наиболее полную среди изданных, а и вообще из поля зрения современных исследователей выпал.

Имеются в виду записи, сделанные Леонидом Сукачевым.

Видный литератор, большой знаток творчества народа, он выезжал в Орск в 1935 году в составе научной экспедиции, снаряженной в места давней ссылки Шевченко Центральным Комитетом КП(б)У и Советом Народных Комиссаров Украины. Поездка была плодотворной, но фольклорист погиб, успев опубликовать одну-единственную статью со своими записями. Да и та, появившись в далеко не массовом украинском журнале "Литературная критика" (третья книга 1936 года), оказалась забытой на многие годы. Вот одна из легенд, записанных им в Орске.

...В те далекие времена, когда это совершалось, Ор-ская крепость была маленьким, неказистым местечком. Сколько-то офицерских домов, к которым примыкало два десятка убогих казенных халуп, - вот и вся крепость. Вокруг, сколько видел глаз, простиралась безлюдная, неприветливая степь. И озера. И болота.

Как-то раз заметили: летают над крепостью бабочки. Откуда взялись - неизвестно. Может, с болот ветрами занесло?

Один из солдат, из тех, что в Орской стояли, посмотрел, да и говорит:

- Не к добру эта примета. Кажется мне - пожар бочки предвещают!

Но где же видно, чтобы бабочки предвещали пожар? Посмеялись с него и забыли. А пожар тут как тут. Горит!

Только услышал об этом командир - вызывает к себе солдата, который о бабочках говорил. А тот, бедный, ни жив ни мертв. Пришел к командиру и слова не вымолвит.

- Кто поджег? - спрашивает командир.

- Не знаю...

- Врешь, сукин сын, знаешь! Ты поджег, чтобы пророчество свое подтвердить. Сквозь строй его прогнать, мерзавца!

В то время отбывал в Орске каторгу украинский поэт-революционер Тарас Шевченко. Он лютой ненавистью ненавидел панов, за что на каторгу и попал. Услышав, как начальство хочет с невинным расправиться, он собрал тайком солдат и говорит:

- Неужели мы позволим своего товарища замучить?

Все высказались за то, чтобы помешать страшной каре, только никто не знал, как это сделать. А Шевченко подумал, да и говорит:

- Условимся между собой - не поднимать руки на товарища. Он и пройдет сквозь строй невредимым. Будем действовать заодно, и никто нам ничего сделать не сможет.

Солдаты любили и уважали Шевченко, и совет его приняли без возражений. Как сказал Шевченко, так и сделали. Выстроились в две шеренги, взяли розги, но бить не бьют.

- Что это такое? - озверел командир. Все молчат, словно в рот воды набрали.

- Заговор?

Снова никто ни слова. Командир даже позеленел.

- Так вы бунтовать надумали? Расстрелять каждого четвертого.

И расстреляли бы, но не так случилось, как ему хотелось. Той же ночью солдаты условились убить своего мучителя. Привести приговор в исполнение поручили одному смелому и ловкому солдату. Он свое опасное поручение выполнил.

Убитому командиру были устроены торжественные похороны. Гроб замуровали в склеп. А приказ о расстреле каждого четвертого отменили, боясь гнева разъяренных солдат.

Недавно тут случилось чрезвычайное происшествие: ни с того, ни с сего посреди дороги провалился автомобиль. Авария случилась как раз в том месте, где был когда-то склеп. Вытягивая из ямы машину, рабочие нашли в склепе, среди полуистлевших человеческих костей, офицерский аксельбант. Говорят, будто это были останки убитого палача-командира...

Изучая материалы Оренбургского архива, удалось установить действительно имевший место факт убийства в Орской крепости ее коменданта Иедоброво. Произошло это в первых числах 1853 года, когда Шевченко находился уже в Новопетровском укреплении.

Это не единственная легенда, записанная тогда в Орске. Высказав предположение о связи ее с известным шевченковским рисунком "Наказание шпицрутенами", Л.Сукачев раскрыл перед читателями и другие свои записи - тоже очень интересные.

Будучи в экспедиции, он услышал легенду о том, будто в шевченковские времена близ Орска - в кустарниках, чтобы не так в глаза бросалось, торговали людьми. Особенно бойко шла торговля девушками. Многие про то знали, но думали: как тут поможешь? Узнал Шевченко, рассердился и решил помешать позорному делу. Подговорил солдат, и они нагрянули на купцов в кустарниках. Нашли только одну жертву. Девушку взяли с собой в крепость. Она испугалась, думала - попала к разбойникам. А потом благодарила от всего сердца.

И еще одна запись, сделанная в 1935 году. "Однажды Шевченко пошел в степь писать стихи. (Он всегда так делал). Неожиданно видит на болоте подстреленную утку. Собрался ее спасти, но ступил как-то неосторожно и сам в трясину попал. Стала его трясина засасывать. Тогда он стал вспоминать прошлое. Вспомнил свою бедную замученную мать. Это воспоминание придало ему сил. Он повернулся на бок и счастливо вырвался из страшного болота.

Неугомонный, деятельный, активный борец - таков поэт в представлении потомков.

Его сравнивают с Пугачевым - особенно близким сердцам уральцев. "Когда палачи собрались четвертовать Пугачева, он позвал к себе Шевченко и сказал: "Завещаю тебе продолжать наше дело!" - записал Сукачев со слов одного из орских жителей.

Между датами гибели Пугачева и рождения Шевченко - почти четыре десятилетия. Это известно любому школьнику, изучающему историю. Но какой в предании глубокий смысл!

VIII. "В НЕИСХОДИМЫЕ КИРГИЗСКИЕ СТЕПИ..."

11 мая 1848 года начался новый переход Шевченко по степным дорогам. Прикомандированный к экспедиции первопроходцев Аральского моря во главе с А.И.Бутаковым, он отправился из Орской крепости "в неисходимые киргизские степи".

Не менее 80 верст - из длинного и трудного 700-верстного пути к Раимскому укреплению - транспорт, в котором следовал Шевченко, проделал по теперешней территории Оренбургской области - ее юго-восточным (Гайскому, Новоорскому и Домбаровскому) районам.

Многие страницы повести "Близнецы" посвящены походу к Аралу. Об этом же - книга А.И.Макшеева "Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю", есть карты старые и новые, справочники.

Попробуем, пользуясь этими материалами, установить более точные вехи пути, приближая описания шевченковские к географически определенным местам Оренбуржья.

"Транспорт, в числе 3000 телег и 1000 верблюдов" начал свой переход от Ори - того места, где сейчас находится старая биофабрика. Именно здесь был отслужен напутственный молебен.

"Первый переход (с непривычки, может быть) я ничего не мог видеть и слышать, кроме облака пыли, телег башкирцев, верблюдов и полуобнаженных верблюдовожатых киргизов. Словом, первый переход пройден был быстро и незаметно".

В тот день, следуя по левому берегу реки Орь, транспорт прошел 23 версты и достиг Мендыбая - небольшого ее притока.

(Упомянутая Шевченко довольно часто Орь -это левый приток Урала протяженностью в 370 километров. Река берет начало на северных отрогах Мугод-жарских гор).

"На другой день мы тронулись с восходом солнца. Утро было тихое, светлое, прекрасное. Я ехал с передовыми уральскими казаками впереди транспорта за полверсты и вполне мог предаваться своей тихой грусти и созерцанию окружающей меня природы. Это была ровная без малейшей со всех сторон возвышенности степь. И, как белой скатертью, ковылем покрытая необозримая степь. Чудная, но вместе и грустная картина! Ни кусточка, ни балки, совершенно ничего, кроме ковыля, да и тот стоит, не пошевелится, как окаменелый, ни шелеста кузнечика, ни чиликанья птички, ни даже ящерица не сверкнет перед тобою своим пестреньким грациозным хребтом - все, кроме ковыля,

умерщвлено. Немо все и бездыханно, только сзади тебя глухо стонет какое-то исполинское чудовище - это двигающийся транспорт..."

Во время второго перехода, 12 мая, Шевченко впервые узнал и что такое степной мираж, и каким бывает степной пожар. Двадцать две версты, пройденные в этот день, оставили в походном альбоме Шевченко-художника немало различных зарисовок, а Шевченко-поэту, Шевченко-прозаику дали поистине богатейшие впечатления для творчества литературного. И не только версты дневного похода, но и вечер, ночь у залива Ори - в месте, облюбованном начальником транспорта для привала. "В транспорте все затихло, как бы ожидая чего-то необыкновенного. И, действительно, невиданная картина представилась моим изумленным очам. Все пространство, виденное мною днем, как бы расширилось и облилось огненными струями почти в параллельных направлениях. Чудная неописанная картина! Я всю ночь просидел под своею джеломейкою..."

Глядя на прекрасную акварель "Пожар в степи", на зарисовки, сделанные двенадцатого мая (днем и ночью), читая страницы "Близнецов", мы вправе отнести их к изобразительным и литературным источникам для характеристики определенных мест Оренбуржья, в данном случае - района за современным поселком Уртия.

О третьем дне перехода сказано короче: "Мы долго ехали по обгорелой степи, и теперь-то, глядя на эти черные бесконечные равнины, я убедился, что не во сне, а я вчера видел настоящий пожар. К полудню мы подошли опять к берегам Ори и расположились на ночлег".

Этот переход и ночлег мы связываем с местами, относящимися к селу Соколовка.

Еще один день - четвертый:

"Следующий переход мы шли в виду Ори, и степь казалась разнообразнее: кой-где выдавались косогоры, местами даже белели обрывки берегов Ори, кой-где показывался камыш и даже кусты саксаула. Переправившись на другой берег Ори, транспорт опять раскинул свое гигантское каре".

Четвертый переход закончился на землях теперешнего совхоза "Полевой" - крупнейшего зернового хозяйства в Домбаровском районе...

15 мая транспорт - а вместе с ним Шевченко - был уже вне границ нынешней Оренбургской области, на земле Казахстана.

Поход навстречу неизведанному Аралу, где поэту предстояло прожить почти полтора года, продолжался еще много суток...

IX. "ИЗ ТОГО СТЕПУ КИРГИЗСКОГО ТА МОРЯ АРАЛЬСКОГО..."

В октябре 1849 года экспедиция А.И.Бутакова, стойко перенеся тяготы исследования неведомого и коварного моря, проделала (только в обратном порядке) путь, уже известный каждому из ее участников: от Ра-има до Орской крепости и от Орской до Оренбурга.

В письме родителям, посланном из Оренбурга 4 ноября 1849 года, Бутаков писал: "Я выехал из Раима 9 октября и прибыл в Орскую крепость 28 октября. Переход до Новоуральского укрепления (в 325 верстах от Раима) я сделал на 10-й день, а оттуда до Орской крепости (413) на 9-й день. В Оренбург я приехал 31 октября".

Письмо это, в литературе о Шевченко не использованное, дает возможность обозначить иные даты начала и окончания долгой дороги, установить дни вторичного пребывания и в Уральском укреплении (19 октября) и в Орской крепости (28-го), убедиться в направлении обратного маршрута и, наконец, в том, что даже в условиях поздней осени переезд из Орской в Оренбург занял всего три дня - не более.

Но, быть может, Бутаков в датировке своей ошибся?

Для проверки важно найти дополнительные подтверждения хотя бы одной из приведенных им дат.

Они нашлись. В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота - там же, где хранятся и письма Бутакова, удалось отыскать формулярный список о "службе и достоинстве" Корпуса флотских штурманов прапорщика Пospelова. Ксенофонт Егорович Пospelов следовал с берегов Аральского моря в той же команде, что и Шевченко. "По окончании кампании 1849 года возвратился 31 октября в г.Оренбург", - сообщается в этом документе.

Таким образом, прибытие экспедиции в Оренбург 31 октября, а не 1 или 2 ноября, как обозначено в биографической литературе о Шевченко, можно считать доказанным.

... Шевченко вновь проехал по тракту, которым за два с лишним года до того, в июне 1847-го, следовал в Орскую крепость. Это дало ему возможность не только проверить и не только закрепить те, первые, впечатления, но и подметить детали, прежде не схваченные.

Способствовало этому и настроение, с которым он возвращался в Оренбург. Сердце наполнилось надеждой на облегчение участи. Сообщая А.И.Лизогубу о своем возвращении "из того степу Киргизского та моря Аральского", Шевченко просит передать В.Н.Репниной, что жив-здоров и если даже не очень счастлив, то, во всяком случае, весел.

Проезжая поэт и через Верхне-Озерную.

Связано такое упоминание с одной загадочной историей.

"В 1902-1903 годах, - сообщалось десятилетия тому назад в оренбургской областной газете, - нынешний директор Бугурусланского музея тов-Аниховский видел в доме одного казака станицы Верхне-Озерной четыре акварели-картины небольшого размера, оправленные в простенькие черные рамки. Акварели были сильно тронуты временем - бумага пожелтела, краски сильно полиняли, но работа сразу приковала внимание своим выдающимся мастерством.

Местные жители рассказали тов.Аниховскому, что картины эти нарисованы поэтом Тарасом Шевченко, который жил здесь в ссылке..."

В Верхне-Озерной Шевченко не жил. Но проезжать ему тут приходилось, а в этот раз, возможно, довелось и переночевать. Могли, следовательно, в попутной станице оказаться и рисунки его работы.

Ничего достоверного на сей счет не известно. Но если это даже легенда, значимость ее сомнений не вызывает. На Орском тракте сына Украины запомнили, и запомнили навсегда.

Х. "ЭПОЛЕТЫ ДА КАСКИ... КАЗАКИ ДА СОЛДАТЫ..."

"Оренбургская зима" Тараса Шевченко сродни "Болдинской осени" Пушкина.

Аналогия эта не случайна.

За двести с лишним дней он создал и цикл стихов-шедевров, и галерею законченных портретов, и десятки талантливых, отмеченных истинным мастерством, пейзажей. То была пора, щедрая на друзей и дружбу, пора новых, самых радужных надежд. Она оборвалась поздневечерним апрельским обыском с последовавшим за ним арестом, и хотя Шевченко оставался в Оренбурге еще не одну неделю, недели те к "оренбургской зиме" относить не станем; и дело не в том, что конец апреля - май это уже не зима, а в резкой перемене положения, обстановки, настроения - решительно всего. Бездушная, холодная рука прервала полет возвышенной души...

...Но это лишь небольшое вступление-раздумье перед тем, как отправиться по шевченковским адресам Оренбурга 1849-1850 годов.

Лучше всего начать с установления мест, где он жил.

По традиции, наиболее часто (и уверенно) называется дом К утиных - тот самый, в котором он встречался с друзьями еще в первые дни ссылки, в июне сорок седьмого. Что ж, Шевченко, действительно бывал здесь и в эту пору своей жизни; дружба с Федором Лазаревским, который по-прежнему квартировал там, продолжалась. Но стоит внимательно прочесть воспоминания хозяйки дома, записанные в свое время П.Л.Юдиным, чтобы понять: в дом Кутиных поэт приходил гостем... "Шевченко чуть не каждый день навещал его (Лазаревского - Л.Б.)... Придет, бывало, он к ним, сейчас шинель долой, повесит ее в передней на гвоздик, расправит свои длинные черные усы, и первый его вопрос в шутливом тоне:

Ой, чи живы, чи здоровы все родичи гарбузови?"

Навещал, чувствовал себя свободно, встречался с друзьями, добавим еще - провел тут и ночь после обыска (с 22 на 23 апреля), но жил в другом месте, или, точнее, в других местах.

Где именно?

М.М.Лазаревский свидетельствовал: "...Ш. и его товарищи жили на одной квартире с Бутаковым... По отъезде Бутакова в январе 1850 года в Петербург Шевченко переехал жить на квартиру...К.И.Герна..."

Первый вопрос как бы "предвидел" сам Бутаков. 4 ноября 1849 года он писал брату, Григорию Ивановичу: "Теперь квартира моя представляет настоящую фабрику: в одной комнате топографы чертят напропалую на трех столах, в другой рисуют виды, в третьей разбираются геологические и ботанические образцы и, наконец, в четвертой я сам работаю над своими отчетами или похаживаю с сигарой в зубах и с лапами в карманах от одного стола к другому - важно".

Это единственное описание обстановки, в которой протекал начальный период работы участников Аральской экспедиции, в том числе Шевченко ("в другой рисуют виды"), по прибытии в Оренбург.

Адрес своей "фабрики" Бутаков не обозначил ни разу. Идти к нему - к этому адресу - пришлось путем раздумий. Они-то и заставили отказаться от первоначальной мысли, будто квартира была частной и в частном доме. Против говорили и цель экспедиции, и ее значение, и то внимание, которое уделялось ей высшими чинами Оренбурга.

Раздумья привели к предположению, а затем и к выводу: наиболее вероятным местом штаб-квартиры Бутакова является двухэтажный каменный дом, специально предназначенный для "господ приезжих генералов, штаб- и обер-офицеров". Он обозначен на планах города, начиная со середины двадцатых годов. Ныне на этом месте - главный корпус педагогического института.

О поисках дома К.И.Герна, где Шевченко жил с января по апрель 1850 года, автором обстоятельно рассказано в книге "По следам оренбургской зимы". Пересказывать необходимости нет. Адрес, где этот дом находился (после пожара 1879 года тут выстроен другой, но, скорее всего, на том же фундаменте): улица Казаковская, 43. Здесь, несмотря на строжайший запрет, поэт мог и писать, и рисовать: рождались страстные его стихи, на полотне, на бумаге появлялись новые портреты, пейзажи. Флигель дома стал на несколько месяцев мастерской художника.

Сюда, по этому адресу, пришли с обыском, когда на рядового Шевченко был подан донос, обвинявший его в нарушении "высочайшей воли". Друзья, узнав о предстоящем обыске раньше, смогли предупредить поэта, и в огонь полетели письма, стихи, рисунки. Но при всем том закончилась эта история печально: гауптвахтой... казематом Орской крепости... Новопетровским укреплением...

Тремя домами, здесь названными, перечень шевченковских адресов "оренбургской зимы" не исчерпывается. Знакомых у Шевченко становилось все больше, и конечно, представляется заманчивым узнать, где жили тогда семьи Киршей, Бларамбергов, Чернышевых, Костромитиных, Цейзиков, где квартировали Залеский, Майдель, Орлов. Думается, что с каждым годом мы будем знать об этом все больше.

Однако прежде чем искать адреса "на местности", надо полнее учесть все, что об этих адресах (и людях) известно - по воспоминаниям, по письмам. Исследователи оренбургского периода жизни и творчества Тараса Шевченко до недавнего времени не пользовались письмом чиновника А.Орлова, посланным из Оренбурга в Петербург 21 февраля 1850 года. "Последнее письмо...принесли в то время, когда у меня сидели Тарас Григорьевич и Ксенофонт Егорович (Поспелов. -Л.Б.), - писал Орлов Сергею Левицкому, - нечего говорить, что мы с жадностью приняли за чтение его; меня ваше письмо очень, очень удовлетворило, но в этих господах оно возбудило зависть ко мне, они... наконец, не выдержали и сказали, что и они также ждут от Вас писем, а Вы благосклонны только ко мне одному... Считаю нужным сказать это Вам для того, чтобы просить Вас обрадовать и их, особенно Тараса Григорьевича". Как о самом Орлове, так и о том, что в доме бывал Шевченко, сведения в литературе прежде не встречались.

...Герой повести "Близнецы" Савватий Сокира еженедельно писал родителям на Украину, а те, получая "Оренбургскую муху", живо представляли себе "каждое его движение".

"Они видят его, как он идет по большой улице и ему встречаются эполеты да каски, каски да эполеты, казаки да солдаты, солдаты да казаки, даже бабы ходят по улице в солдатских шинелях... Или видят его, как он сидит на горе и смотрит на Урал, и на рощу за Уралом, и за рощей на меновой двор, а за двором степь и степь, хоть и не смотри, далее ничего не увидишь, а он все смотрит да о чем-то думает..."

Это впечатления не только лекаря Сокиры, но и, конечно, самого Шевченко. Он замечает то, мимо чего равнодушно проходят другие, за внешним видит глубинное. Способный часами любоваться красками природы и совершенством архитектуры, поэт не мог заслониться экзотикой от главного.

XI. "ОДНАЖДЫ ОН, СКУКИ РАДИ..."

Татарская Каргала стоит на тракте, ведущем в Уфу. Ни одно перемещение "Шевченко из батальона в батальон с переездами по этой дороге связано не было.

А в Каргале он все же побывал. И даже заметки оставил - весьма беглые, но с названием села и определенной характеристикой его облика.

"...Однажды он (лекарь Сокира - Л.Б.), скуки ради, посетил Каргалу. "Все же таки, - думал он, - село, следовательно, не без зелени". И представьте его разочарование: дома, ворота да мечети. А зелени только и есть, что крапивы кусточки под забором, а вонь такая, что он не мог и чаю напиток. "Вот тебе и село!.."

Заметим: "Однажды он, скуки ради..."

Шевченко ездил туда специально, и поездка, судя по описанию природы, могла состояться где-то весной пятидесятого, из Оренбурга.

Но почему в Каргалу?

По этому поводу можно строить только предположения.

Среди друзей и приятелей Шевченко осени 1849 -весны 1850 годов оказались люди разных национальностей.

«Неизменной подругой Тарасовой была татарка Забаржад, замечательной красоты", - вспоминал дружеские вечера-встречи Ф.М.Лазаревский. Именно ей, Забаржад, по всему судя, посвятил поэт одно из прекрасных своих стихотворений о любви:

И станом гибким и красою

Пренепорочно-молодою

Я старый взор свой веселю...

Не происходила ли из Каргалы она?

Достоверно известно, что каргалинские купцы вели торговлю в Орской крепости. Желание поехать в Каргалу могло идти также с этой стороны.

Однако есть гипотеза и другая. Не была ли поездка связана с интересом Шевченко к пугачевскому прошлому края?

...Татарская Каргала именовалась когда-то Сеито-вой слободой. Один из первых населенных пунктов на обширнейшей территории, эта слобода во времена восстания насчитывала уже несколько тысяч жителей. Большинство татар занималось трудом крестьянским или ремеслами, или работало на купцов; купцы вели крупную торговлю по всей Средней Азии, по многим губерниям России.

Когда Сеитовой слободы достигла весть о приближении отряда Емельяна Пугачева, в Оренбург ушли главным образом богатей. Основная масса населения осталась на месте и послала представителей в Чернореченскую: пригласить "крестьянского царя Петра III" прибыть к ним, в их слободу.

Через несколько дней Пугачев был тут.

В дальнейших боях повстанческой армии, начиная с осады Оренбурга, героически дрался целый полк каргалинских татар.

...Вот на какие раздумья наводят несколько шевченковских строк о поездке в Каргалу.

XII. "В ЭТОЙ СОЛЯНОЙ ЗАЩИТЕ..."

Есть у Шевченко повесть "Варнак" и поэма "Варнак". Роднятся эти произведения не только названиями: в основе обоих - удивительно схожая человеческая судьба.

Место встречи автора с его героем совпадает тоже.

В поэме оно прямо не названо, но косвенно охарактеризовано довольно полно. Блуждая по чужой земле,

1

Я встретил деда над Влеком.

Он дряхлым был - тот наш земляк

И недомученный варнак.

Мы как-то в поле повстречались

Со стариком и заболтались

В то воскресенье...

Елек - это Илек, крупный приток Урала. Берет он начало в Казахстане, пересекает несколько районов Оренбуржья и на большом протяжении служит естественной границей между этой областью и соседней, Уральской. Впадает Илек в Урал близ районного поселка, получившего в честь реки и свое имя.

Неподалеку отсюда проезжал Шевченко в начале октября 1850-го, когда следовал в Новопетровское, на Каспий.

Но впервые узнал он о степной речке не в тот раз - раньше.

Не на Уральском тракте свела его судьба со своим будущим героем - в месте ином.

Ясность вносит повесть.

Высказав общие соображения об Оренбургском крае, полном самых разительных контрастов, Шевченко пишет:

"Есть в этой благодатной стране, неглубоко под землею, огромная глыба соли, а на этой глыбе соли построена небольшая крепостца, называемая в простонародии Соляною Защитой.

Обстоятельства заставили меня побывать однажды в этой Соляной защите.

В первое воскресенье моего там пребывания увидел я в церкви старика..."

Пораженный "величавой наружностью" этого "почтенного мужа", автор наводит о нем справки и с удивлением узнает, что старец-причетник - "бывший варнак, а теперь здешний поселяк".

"Я вспомнил, что прежде здесь добывалась соль арестантами и что многие из них, кончивши свой тяжкий термин, были поселены тут же..." - сообщает Шевченко далее.

Вспомнил - значит знал до того... Знал - потому что интересовался...

"Соляная защита" - и просто "защита" - присутству-

Мысль о старике не дает автору покоя, будоражит его воображение. Они знакомятся, находят друг в друге земляков, и старый варнак поверяет историю своей жизни - то, что мы знаем и из повести, и из поэмы.

«Соляная защита» и просто «защита» - присутствует не только в "Варнаке". О ней же упоминает Шевченко в письме, посланном в начале 1854 года Брониславу Заяескому. "Если в защите у Дмитриева найдешь хорошие эстампы новой французской школы, как то Делакура, Делароша, Ораса Вернье и других, то хорошо скопировать их посредством фотографии, и держи эти копии у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый час..."

Николай Александрович Дмитриев был в то время горным комендантом Илецкого соляного промысла; впоследствии он стая управляющим всего этого предприятия.

Уже сам характер упоминания имени - без всяких пояснений, как хорошо известного и автору письма, и его корреспонденту, - говорит о многом...

...Когда, каким образом оказался Шевченко в Соляной (Илецкой) защите - ныне городе Соль-Илецке?

Известный исследователь жизни и творчества поэта И.Я.Айзеншток высказал мнение о том, что поэт побывал здесь "в ноябре 1849 года, возвращаясь в Оренбург из Аральской экспедиции". Однако письмо начальника экспедиции. А.И.Бутакова, на которое мы уже ссылались, не оставляет сомнений о том, что путь экспедиции через Илецкую защиту не проходил.

Другая версия - о посещении крепости во время следования к Новопетровскому укреплению - опровергается изучением карт "Большой линейной дороги из города Оренбурга в Уральский городок", почтовых и этапных дорог губернии. Они убеждают в том, что Илецкая защита находилась в стороне от этого тракта.

Вероятнее всего Шевченко побывал в "Соляной защите" в период своей "оренбургской зимы". Проявляя живой интерес к краю, в который его забросил беспощадный царский приговор, он, пользуясь сочувствием и помощью друзей, использовал любую возможность для лучшего знакомства с неведомыми ему местами. Вместе с друзьями выезжал он в окрестные села (например, в Каргалу). С ними мог совершить поездку и в Илецкую защиту.

С этим городом, расположенным "в шестидесяти пяти верстах от Оренбурга", поддерживалась постоянная двусторонняя связь. Именитые ездили отсюда в Оренбург на балы; офицеры и чиновники позволяли себе поездки в губернский город на воскресенья. Это еще более убеждает в возможности посещения "соляной столицы" края - даже более или менее

продолжительного - находившимся в Оренбурге и жившим не в казармах, а на частной квартире поэтом.

Заслуживает внимания тот факт, что в Илецкой Защите постоянно квартировала одна из рот 5-го линейного батальона. В переменном составе роты у Шевченко могло быть немало знакомых еще по Орс-кой крепости.

"В этой Соляной Защите", где жило особенно много бывших каторжников, и встретил автор "Варнака" того, чей образ и чья судьба послужили ему в дальнейшем "отправной точкой" будущего повествования в прозе и одновременно заставили взяться за новую редакцию поэмы, в которой впервые появляется конкретный "адрес" встречи с варнаком: "над Елеком".

XIII. "СЧИТАЮ В ССЫЛКЕ ДНИ И НОЧИ..."

В Оренбурге, как помните, мы оставили Шевченко на высоком уральском берегу. Сюда заходил он, используя каждую свободную минуту, даже по дороге во дворец губернатора, выходящий своим фасадом к Уралу.

Не на бал или обед, не почетным, важным гостем шел туда Тарас Григорьевич. Его звали как художника-портретиста: заполучить портрет, им сделанный, считалось "хорошим тоном".

Надо ли говорить, что приглашения в "первый дом губернии" были делом рук друзей? Они надеялись, что в дальнейшем это каким-то образом поможет облегчить участь опального.

Надеялись, увы, напрасно...

...Здание претерпело изменения. Оно надстроено, фасад лишен былых украшений, изменена, в соответствии с новым назначением корпуса, вся внутренняя планировка. Ныне его занимает Институт усовершенствования учителей.

Только знакомясь с архивным делом 1850 года под названием "Опись дому, выстроенному для жительства военных губернаторов в г.Оренбурге", можно себе представить, каким был губернаторский дворец изнутри и снаружи. Каждая комната первого этажа, бельэтажа, антресолей - от большой гостиной, кабинета и спальни до помещений для самых скромных слуг и служанок - описана здесь настолько подробно, что представить воочию не составляет труда.

А вот о балконе, к которому вела "двухсторонняя, дубовая, филенчатая со стеклами дверь", сказано в "Описи..." неожиданно скупно: "Наружный балкон с чугунною решеткою в столбах и свинцовым полом..." Между тем каждый, кто писал о губернаторском дворце, балкону уделял особое место.

П.Н.Столпянский: "С площадки балкона открывается чудный вид - прямо впереди течет седой Яик, зеленеет Зауральная роща, виднеются постройки мена- _ вого двора..."

А.Ф.Рязанов: "На углу Советской и Набережной -обширное двухэтажное здание с балконом на Набережную... Здание построено по рисунку петербургских художников, возможно Брюллова... Достояна внимания площадка, украшающая лестницу и балкон здания, отлитые по особому рисунку художника..."

О том, что балкона сейчас нет, приходится сожалеть особенно. Ведь он запечатлен Шевченко; на этом балконе, с которого прекрасно просматривается Урал, писал он акварельный портрет женщины, репродуцируемый в восьмом томе полного собрания его произведений. Возможно, это портрет Матильды Петровны Обручевой.

...Вечером, в страстную субботу у Шевченко был произведен обыск. Федор Лазаревский вместе с другом-поэтом с тревогою ждали дальнейших событий.

"Рано утром, прямо от Обручева, приехал к нам после розговин Александрийский и рассказал все, что там происходило.

- На меня, - говорил он, - внезапно накинулся Обручев: "А-а, так мы отвечаем пушками на вопли порабощенного народа о свободе!.. (Цитата из письма Александрийского Шевченко - Л.Б.). На обахту! На белое, черное, синее море (поговорка Обручева). А Лазаревский здесь? А-а, в переписке с преступником: "Милый, любимый мий", а? На обахту!.."

В то же время всех присутствующих поразило необыкновенное внимание Обручева к прапорщику Исаеву... Тогда всем стало ясно, кто был предатель.

Значит, еще до рассвета часть взятых при обыске бумаг уже успели разобрать и доложить губернатору. 23 апреля-Шевченко по приказу Обручева был вызван в ордонансгаус, а оттуда препровожден на гауптвахту.

Где она находилась?

Установить это удалось недавно: в подвальном этаже здания военно-инженерной части Отдельного Оренбургского корпуса (ныне в нем размещается средняя школа N 30).

Мысль об устройстве гауптвахты в этом помещении возникла, наверное, уже после того, как оказалась законченной кирпичная кладка здания. Иначе не пришлось бы прибегать к тем дополнительным работам, о которых в одном из документов дела указывается: "Сделана с главного фасада из окна дверь входа в ... гауптвахту с разборкой части свода..." и "Сковано из шинного железа в окна арестантской комнаты две решетки, вышиною и шириною 1 аршин 10 вершков, весом в деле 7 пудов 37 фунтов".

За этими пудовыми решетками и оказался. Тарас Шевченко.

В апреле 1847-го его арестовали на переправе через Днепр возле Киева.

В апреле 1850-го последовал новый арест - уже на берегу Урала.

Год четвертый - та же доля,

То же горе знаю...

Четвертый год невольничьей жизни поэта начинался в "арестантской" главной гауптвахты Оренбурга.

Теперь тут Музей-гауптвахта Т.Шевченко.

XIV. "Я ИМЕЛ СЛУЧАЙ ПРОСИДЕТЬ ПОД АРЕСТОМ..."

"По распоряжению бывшего генерал-губернатора, довольно видного политика Обручева, я имел случай просидеть под арестом в одном каземате с колодниками и даже с клейменными каторжниками..."

Этот "случай" связан с Орской крепостью, и длился он много недель.

В пятый линейный Шевченко доставили под усиленным конвоем, как арестанта. Под арестом на крепостной гауптвахте его держали и в июне, и в июле, и в августе. Только в сентябре последовал приказ об освобождении из-под ареста с немедленной отправкой в первый линейный, причем "в две роты, находящиеся в Новопетровском укреплении".

Гауптвахта Орской крепости - один из главных адресов горя и борьбы поэта.

...Приехали однажды в Орск операторы студии хроникально-документальных фильмов. Замысел у них был такой: сначала снять кадры, напоминающие о мрачном прошлом города, а затем, контрастом к ним, развернуть картины его светлого сегодня.

- Где находилась гауптвахта? - спросили авторы киноочерка.

Вопрос был ясен, а вот ответы последовали туманные. То одно место называли, то другое. И решили кинодокументалисты поступить на свой "страх и риск". Нашли стену какого-то склада, смотревшую на белый свет маленьким зарешеченным оконцем, сняли на пленку и сказали: "Вот он, тот самый застенки!"

За такие "приемы" кинохроникерам достается крепко. И если в Орске против искажения не восстали, то только потому, что не могли противопоставить ему... истины.

Не один десяток людей довелось расспросить, выясняя место расположения шевченковского застенка. Все они говорили по-разному. Но два или три старожилы повторили одинаковую версию: они слышали, будто в помещении бывшей гауптвахты впоследствии размещалось городское казначейство.

- Казначейство помещалось в двухэтажном доме, а в те годы таких больших зданий тут не было, - воспротивились другие.

Действительно, не было. Об этом свидетельствовал сам Шевченко, оставивший подробные описания крепости.

Поиски, казалось, зашли в тупик. Помог архив. Ответ оказался в одной из старых газет. В номере "Оренбургской жизни" за 25 февраля 1914 года бросилось в глаза несколько строк: "В г.Орске до последних лет сохранялось одноэтажное здание старой гауптвахты, у которой Шевченко часто стоял на часах (добавим, и где сидел сам - Л.Б.). В этом здании помещалось Орское казначейство. В

настоящее время здание снесено, и на его месте выстроено новое двухэтажное здание для казначейства".

Теперь можно совершенно определенно сказать: гауптвахта находилась на пересечении нынешних улиц Советской и Ф.Энгельса. Сейчас на этом месте детский сад.

...До других орских адресов 1850 года нам уже не добраться.

Следствие над Шевченко производил подполковник Чигирь на специально отведенной квартире. С гауптвахты арестанта доставляли сюда под строжайшим караулом. Где она, та "квартира", находилась? В результате расследования обнаружилось, что рядовой Шевченко не присягал "на верность службе". Эта "оплошность" была исправлена 3 июля. Где проходила церемония присяги, к которой его привели под надзором священника и ротного, под усиленным конвоем?

Известно: в Орской крепости существовал кружок, объединявший активную часть политических ссыльных, а вместе с ними - двух молодых офицеров линейного батальона. Не приходится сомневаться, что поэт Украины был к этому кружку близок, с участниками его встречался. И, конечно, хотелось бы знать, где их встречи происходили...

..."Белых пятен" в биографии Шевченко еще много.

XV. "ПО ЗЛАЧНЫМ И СЕРЕБРЯНЫМ БЕРЕГАМ..."

В четвертый раз следовал Шевченко уже хорошо знакомым Орским трактом.

Впервые он проделал этот путь, когда из Оренбурга его везли в Орскую, на службу в 5-й линейный, затем -возвращаясь из Аральской экспедиции, а несколько месяцев тому назад - под усиленным надзором, как арестанта. И вот сейчас предстояла та же дорога, с одной только разницей: в Оренбурге она не заканчивалась.

Конечным пунктом маршрута было самое дальнее укрепление огромной Оренбургской губернии - Ново-петровское. На полуострове Мангышлак, у самого Каспия...

Грозный приказ торопил. Близилось окончание навигации, и Шевченко следовало доставить в Гурьев еще до того, как сообщение по Каспийскому морю прекратится. Раньше же нужно было заехать в Оренбург, потом в штаб первого линейного батальона в Уральске.

Галоп привел к беде. В Чертовом ущелье, или близ него - во всяком случае в Губерлинских горах, - лошади понесли, опрокинули седоков, и Тарас Григорьевич едва избежал гибели. В Оренбург приехал он окровавленный, таким увидели его и друзья. Шевченко успел повидаться с Брониславом Залеским, с Яном Станевичем, вероятно -с К.И.Герном; мимолетные встречи с ними были единственной радостью тяжелого пути в неизвестное.

...Перед нами - "Карта Большой линейной дороги из города Оренбурга в Уральский городок". Карта шевченковских времен позволяет установить, каким был последний маршрут поэта в нынешних границах Южного Урала.

Миновав уже знакомые ему Чернореченскую и Татищеву, конвоиры и их "подопечный" свернули на Симбирский тракт, который, как и пройденная часть Орского, тянулся вдоль берега Урала-реки.

Селения встречались не часто.

После станции Зубочистинской (ныне село Зубочистка) остановку делали в Чесноковской (современное село Чесноковка) - меняли лошадей, подкреплялись на почтовых станциях сами. Обе станции вели свою историю от начала века, обитали тут оренбургские казаки, и поэт приглядывался к их быту, к ним самим - интересовало все.

Оренбургские казаки жили также в крепостях Нижнеозерной и Рассыпной. У этих поселений биография была подлиннее - тянулась она с середины XVIII столетия; в них самих и вокруг них еще сохранялись следы первоначальных крепостных устройств. Шевченко вновь имел возможность сравнить - прежде всего с тем, что видел в других старых крепостях Оренбургской линии, которых за годы ссылки повидал изрядно.

Рассыпная была последним по этому тракту селением Оренбургского казачьего войска. В нескольких верстах начинались владения яицких (уральских) казаков.

Судьба солдатская сводила его с казаками-уральцами и ранее - в походе к Аральскому морю и на самом Арале. Шевченко не раз вспоминал, как в 1848 гиду, когда закончилось трехмесячное

плавание с экспедицией Бутакова, он, отравивший за это время "широкую, как лопата, бороду", был принят уральскими казаками-староверами как "мученик за веру" - с "затаенным восторгом". Такой фанатизм вызывал в нем неприятные чувства. "Чтобы не нажить себе хлопот с этими седыми беспримерными дураками, я поскорее оставил укрепление и уже аккуратно, каждую неделю два раза, брею себе бороду..."

Теперь ему впервые довелось попасть на землю Уральского казачьего войска.

Форпост Мухраново (такое название носит и нынешнее село, здесь расположенное) стал первым пунктом обширнейшей области, в который Шевченко и сопровождающие его к Уральску въехали после остановки в Рассыпной.

Дальнейший путь шел через форпосты Студеной, Кинделинский, Иртецкой...

В одном из них был и привал на ночь: дорога еще предстояла дальняя. Но как ни гнала подорожная, как ни торопили конвоиры, предельно сокращая остановки, поэт и художник успевал многое увидеть и услышать.

Ему дороги были места пугачевские: память о Пугачеве - вожде крестьянской войны - жила в народных песнях, в людских рассказах.

Но интерес к истории не заслонял "живой жизни", и снова, как тогда на Арале, подмечал он тупость, застой обитателей сих форпостов. Семь лет спустя, помня свои впечатления, Шевченко запишет в "Дневнике": "А если придется прогуляться через Гурьев и Уральск, по злачным и серебряным берегам благочестивого Урала, тогда что? Аппетит в торбу, а зубы на полку. Или, во избежание голодной смерти, прикинуться ворожейкой, а лучше всего мучеником за веру, расстригою-попом: тогда, как по щучьему велению, все явится перед тобой... Хуже всяких язычников".

...Путь Тараса Шевченко к Новопетровскому укрепению проходил через территории, составляющие ныне Оренбургский, Переволоцкий, Илѣкский и Таш-линский районы. Дальше на современной карте - Казахстан. А коль так - путешествие по шевченковским дорогам Южного Урала заканчивается.

Что касается неволи в пределах тогдашнего Оренбургского края, то она продолжалась еще много лет - до августа 1857-го.

Семь лет провел поэт в "незапертой тюрьме" - на полуострове Мангышлак.

XVI. "ОТПРАВИТЬСЯ ОБРАТНО В ОРЕНБУРГ..."

Прежде чем познакомить вас с документом, в литературе пока не известным, приведем несколько отрывков из писем Тараса Шевченко второй половины 1857 года.

Ф.П.Толстому:

"21 июля получено здесь официальное известие о моем освобождении. В этот же день просил я коменданта дать мне пропуск через Астрахань до Петербурга. Но он без воли нынешнего начальства не может этого для меня сделать. И я за получением этого драгоценного паспорта должен еще раз побывать в Оренбурге и для этого сделать 1000 верст лишнего пути, почти по безлюдной пустыне..." Брониславу Залескому:

"Добрый Иракий (комендант Усков. - Л.Б.) дал мне от себя пропуск прямо в Петербург, минуя Уральск и Оренбург, а следовательно, и 1000 верст лишнего и дорогого пути. Сердечно ему благодарен за эту экономию денег и времени, теперь для меня так драгоценного... Я спешу теперь в Петербург..." И.А.Ускову:

"19 сентября прибыли мы благополучно и весело в Нижний Новгород, и того же дня полицмейстер объявил мне, что я за настоящим указом об отставке должен отправиться обратно в Оренбург. Такое милое предложение меня немного озадачило, но я вскоре оправился, т.е. заболел... Пока этот таинственный узел развязывался, я хворал, бродил по грязным нижегородским улицам и сучал до ипохондрии..."

Долго, очень долго "таинственный" тот "узел" не давал Шевченко почувствовать себя свободным. Не скоро получил он право жить в Петербурге, но в Оренбург поэт более не приехал. ...А его "гам ждали.

Нет, мы имеем в виду не друзей, которые, приведись ему оказаться там вновь, наверняка встретили бы Тараса Григорьевича тепло и сердечно. Ждали инстанции официальные. ...Не часто-

отыскиваются в наше время еще неизвестные документы, в которых упоминается имя поэта-революционера. Мне повезло. Такой документ оказался в прежде секретном фонде канцелярии генерал-губернатора (ф.6, оп.18, л.365). Это ведомость о лицах, состоящих под надзором оренбургской полиции в течение 1857 года.

В ведомости более семидесяти имен освобожденных от службы одновременно с Шевченко. Почти все - участники польского освободительного движения на разных его этапах. Многие имена знакомы: Станислав Круликевич, Кандид Зеленко, Феликс Фиалковский, Александр Храпчинский и другие. Они значатся либо пребывающими в Оренбурге, либо выбывшими после нескольких месяцев нахождения здесь. Против каждой фамилии - пометка о секретном надзоре. Двадцать четвертым вписан Шевченко. "Отставной рядовой Тарас Шевченко, из академиков, уроженец Киевской губернии" записан как имеющий 51 год отроду (было ему тогда сорок три). Далее читаем: "По высочайшему повелению, изъясненному в отношении г.начальника 23 пехотной дивизии от 13 июля 1857 года за N 1679, за политические преступления подвергнут секретному полицейскому надзору". Однако ответ на следующий вопрос: "С которого времени состоит под надзором?" - вносит определенную ясность: "Не прибыл".

Прибыл ли, не прибыл - полицейский чин заполняет анкету до конца. На одни вопросы он записывает "ответы" индивидуальные (скажем "холост"), на другие - общие ("не имеет", "не получает"), против некоторых ставит прочерк.

Итак:

На какой срок или без срока подвергнут надзору и какому именно: гласному или секретному?

- Секретному без срока.

Где учрежден надзор - на месте ли жительства, или выслан из другой губернии и чем занимается?

- В городе Оренбурге, по увольнении в отставку из линейного Оренбургского батальона N 1 впредь до отбытия на родину, определенных занятий не имеет.

Получает ли от казны содержание и сколько?

- Содержания от казны не получает. Имеет ли семейство и где оно находится?

- Холост.

Если умер, то где и когда именно?

- Прочерк.

Если выбыл из-под надзора, то по какой причине, с чьего разрешения, куда и когда именно?

- Прочерк. Аттестация?

- Прочерк.

"Прочерки" оттого, что "не прибыл". Но и так вполне ясно, что ждало здесь Шевченко: секретный надзор, жизнь без определенных занятий и без помощи от казны, долгие дни и месяцы унижительного ожидания.

Ему посчастливилось этих мук избежать. Грозившая Шевченко еще одна встреча с Оренбургом не состоялась.

XVII. "НАПИШУ ЧЕТЫРЕХТОМНЫЙ РОМАН..."

Об Оренбургском крае Шевченко написал не так уж много, но и не мало. Ему посвящены страницы русских повестей "Близнецы", "Несчастный", "Варнак", записи в "Дневнике", строки переписки.

Впечатлениями оренбургскими вызвана к жизни часть его "невольничьей поэзии" и его живописно-графических работ.

Замыслы же...замыслы были гораздо шире.

Достаточно привести первые строки тут упомянутой, а ранее процитированной повести "Варнак", чтобы представить себе то произведение, которое он намеревался написать, но - не успел.

"Есть в нашем русском православном огромном царстве небольшая благодатная земля, так небольшая, что может вместить в себе по крайней мере четыре немецких царства и Францию в придачу. А обитают в этой небольшой землячке разноязычные народы и, между прочим, народ русский и самый православный. И этот-то народ русский не пашет и не сеет совершенно ничего,

окроме дынь и арбузов, а хлеб ест белый, пшеничный, называемый по-ихнему калаци, и воспевает свою славную реку, называя ее кормилицей своей, золотым дном с берегами серебряными.

Грустно видеть грязь и нищету на земле скудной, бесплодной, где человек борется с неблагоприятной почвой и падает, наконец, изнеможенный под тяжестью труда и нищеты. Грустно! Невыразимо грустно!

Каково же видеть ту же самую безобразную нищету в стране, текущей млеком и медом, как, например, в этой землице благодатной? Отвратительно! А еще отвратительнее встретить между этой ленивой нищеты обилие и при обилии отвратительную грязь и невежество!

А в этой стране благословенной это встречается не редко, а даже очень часто.

Какие же могут быть причины нищеты в краю, текущем млеком и медом?

На сей важный политико-экономический вопрос я на досуге напишу четырехтомный нравоописательно-исторический роман, в котором потщусь изобразить с микроскопическими подробностями нравы, обычаи и историю сего архиправославного народа..."

Роман, идею и направления которого сообщил здесь Шевченко, остался ненаписанным. "Нравоописательно-историческое" произведение "в четырех томах" создать он не успел. "На досуге..." А досуга-то не оказалось: смерть подкосила вскоре после обретения свободы.

Пусть автор чуть-чуть над собою иронизирует ("...пока созреет этот знаменитый роман в моей многоумной голове...") - ирония его понятна каждому, кто готовился или готовится к большому делу. В ней и трепет перед величию цели, и известная неуверенность в собственных силах, и желание сделать лучше, как можно лучше.

Все написанное им в Оренбургском крае, все здесь созданное - в поэзии, прозе, живописи, графике - было, думается, лишь эскизами, набросками к огромному и сложнейшему полотну, каким представлялся "четырёхтомный роман" самому Шевченко и представляется нам, любящим и исследующим его творчество.

Много, очень много он увидел, услышал, бродя по дорогам степного края, неся свою тяжкую солдатскую лямку. Были бы в романе Пугачев и его наследники, варнаки и сатрапы, блудные сыны и несчастные. Были бы и нравы, и обычаи здешних обитателей.

Но главным, в чем хотелось ему разобраться, был вопрос современный, притом жгуче-современный:

- Какие же могут быть причины нищеты в краю, текущем млеком и медом?..

...Замысел остался неосуществленным.

В Орске именем Шевченко названы библиотека и школа, педагогический институт и городской сад, наконец - одна из красивейших площадей, увенчанная пеличественным памятником поэту-революционеру. Работает Шевченковский музей.

Имя Шевченко носят колхозы в селе Петрохерсонце Грачевского района, в районном центре Переволоц-ке, в ташлинском селе Благодарное, совхоз - в Гайс-ком районе. Мемориальными досками отмечены памятные шевченковские места в Орске, Оренбурге, Бузулуке, Соль-Илецке, Островной, Нежинке.

С 1977 года каждый год празднуют в Оренбуржье традиционный "Шевченковский март.

"Не забудьте - помяните..."

В краю его былой неволи революционного поэта помнят и чтут так же горячо и верно, как на родной земле Шевченко - на Украине.

XVIII. "НЕ ЗАБУДЬТЕ -ПОМЯНИТЕ..."

Шевченковское "Завещание" известно всем. ...Схороните и вставайте. Цепи разорвите, Злою вражескою кровью Волю окропите. И меня в семье великой, В семье вольной, новой, Не забудьте - помяните Добрым тихим словом.

На земле оренбургской книги Шевченко есть в каждой библиотеке - городской и сельской, заводской и школьной; его поэзия звучит в клубах, лекториях, в семьях.

Имени Шевченко...

Трудно даже перечислить все места, названные здесь этим знаменитым именем.

В Оренбурге есть улица Шевченко и переулок Шев-ченковский, библиотека имени Шевченко и мемориальный музей-гауптвахта Тараса Шевченко.